

Е. А. ТЕРЕНТЬЕВА

РАССУЖДЕНИЕ О МЕТОДЕ УИЛЬЯМА КЭМДЕНА

Исторический метод выдающегося английского антиквара Уильяма Кэмдена, который по праву считается отцом британской истории, анализируется в контексте развития британского и европейского историописания раннего Нового времени. Наиболее яркие особенности метода Кэмдена – эмпиризм и методологическое сомнение, сочетающееся с риторикой самоуничтожения. Новаторским для той эпохи было и отношение Кэмдена к подбору источников и их критике. Еще одной отличительной чертой метода Кэмдена стала коллективная составляющая его трудов.

Ключевые слова: Англия, антиквариат, Британия, историописание, Кэмден.

Уильям Кэмден (1551–1623) – известный английский антикварий второй половины XVI – начала XVII в., основатель лондонского Антикварного общества и автор знаменитой «Британии». Будучи «гуманистом по образу жизни», он не искал славы и почета, но при этом по праву носит звание «отца английской истории» и считается ученым, который не только занимался популяризацией и демифологизацией британской истории, но и внес значительный вклад в развитие европейского исторического метода.

Вторая половина XVI – первая четверть XVII в. стала для Англии временем зарождения эмпиризма. Кульминацией этого процесса явились труды и теории Ф. Бэкона, а сам процесс коснулся не только естественных наук, но и области исторического знания, методологии истории. Кэмден был одним из тех, кто формировал представления об историческом методе и направлениях исторического знания в раннее Новое время. Его методология впитала плюрализм, возникший в обществе, где накал страстей в области политической и религиозной полемики по сравнению с предыдущей эпохой несколько снизился¹.

Сам Кэмден писал, что он собирал и фиксировал собранный материал, не претендуя на звание судьи или толкователя – хотя в реальности он, безусловно, занимался интерпретацией собранного материала. Его хорография «Британия» представляет собой не описание кабинета древностей, пусть и под открытым небом, а вполне связный и логичный рассказ о событиях прошлого, организованный по топографическому принципу и опирающийся на материальные свидетельства этого прошлого как на доказательства.

---

¹ Herendeen 2007. P. 208; Rockette 1995. P. 831.

Кэмден высоко ценил эмпирические данные как источник информации, его скептицизм и эмпиризм не уступают Бэконовскому, а как практикующий историописатель он превзошел Ф. Бэкона – и в объективности, и в отсутствии тенденциозности при выборе источников. Кэмден отказывался признавать как нечто заведомо верное какие бы то ни было истины, даже считавшиеся общеизвестными. Он подходил к исследованию очень осторожно и двигался от эмпирических данных к гипотетическим утверждениям. Его «Британия» построена на основе принципов скептицизма и «методологического сомнения».

Одновременно Кэмден признавал необходимость сочетания очевидности с верой в случаях невозможности определенного вывода². В его методологии гипотеза, «conjecture» – это критический термин; он встречается в тексте «Британии» более ста пятидесяти раз. Тем не менее, Кэмден всегда стремился как можно лучше обосновывать свои гипотезы, и в обращении к читателю оговаривался, что в своих предположениях стремился не быть «опротечивым». Кроме того, он обещал придерживаться лишь достоверной информации («я не буду подтверждать недостоверное, также я не скрываю вероятности») и отказывался приводить в своей работе данные, за которые не мог поручиться – например, сведения о долготе и широте расположения Британии, которые разнились у разных авторов, и об истинности которых сам Кэмден не мог вынести определенного суждения³.

Таким образом, Кэмден деконструировал все существовавшие к его времени жанровые и методологические базы критики и позволил своей работе основываться на фундаменте лишь из – словами британского исследователя У. Херендина – «черепков истории»⁴.

Уильям Кэмден, наряду с Ричардом Кэрью и Генри Сэвиллом, принадлежал к поколению тех англичан, кто практически впервые сделал профессиональным изучение предметов, прежде не связанных с учеными штудиями⁵: материальные и лингвистические источники.

---

² «...продолжать отвергать все гипотезы, я боюсь, что большая часть прогрессивной учености и человеческого знания будет отправлена в изгнание. Ибо лезвие нашего разума столь притуплено, что мы по необходимости вынуждены следовать многим вопросам во всех профессиях гипотетически. <...> И поскольку гипотезы есть определенное выявление неизвестных вещей, и, как определяет их Фабий, направление разума к истине, я всегда полагал, что они должны рассматриваться среди двигателей, с помощью которых работает Время, извлекая Истину из колодца Демокрита» // Camden 1607. Lectori.

³ Ibidem.

⁴ Herendeen 2007. P. 202.

⁵ Powicke M. Цит. по Herendeen 2007. P. 75.

Прежде всего, эти ученые стали воспринимать материальные остатки прошлого как нечто, имевшее самостоятельную ценность и достойное внимательного отношения и изучения. В эпоху Реформации в Англии материальная история не была популярным предметом, а использовалась в качестве орудия пропаганды в удобном для заинтересованной стороны виде. Материальная история была распространена, как правило, в аристократическом сообществе, но даже в этих кругах ее рассматривали как социально полезный инструмент, не обладавший универсальной ценностью⁶. У. Кэмден и его поколение пришли на смену этим собирателям, движущей силой которых была идеология.

Кэмден крайне серьезно углубился в изучение прошлого собственной страны с помощью источников, которые с конца XVIII в. называются археологическими, а в раннее Новое время еще называли антикварными. Кроме того, он заложил основы изучения нумизматики: в его «Британии» присутствует достаточно объемный раздел, посвященный монетам римлян и бриттов, и несколько таблиц с их изображением⁷. Однако в других разделах этого труда о монетах говорится достаточно редко, они упоминаются как доказательство римского присутствия в том или ином районе Британских островов, и в целом можно согласиться с исследователями, которые считают, что материальные источники он еще воспринимал как второстепенные⁸.

Подобно другим антиквариям, Кэмден использовал в своей работе и филологические данные, которые подвергал этимологическому анализу – разумеется, на уровне той эпохи. Вот, например, рассуждение Кэмдена о происхождении греческого обозначения древних ирландцев: «что же до их пищи, то они охотно питаются травами и особенно водяным крессом, грибами, кислицей и кореньями, так что Страбон не без оснований назвал их *ποφάγῳι*, то есть Едоками трав, что в некоторых списках ошибочно читается как *πολυφάγῳι*, то есть Великие едоки»⁹.

Однако новаторство Кэмдена по отношению к историческим источникам не ограничивалось их подбором. Речь шла и об их критике, и об использовании в исторических трудах. Под влиянием и по примеру Кэмдена отношения между прошлым и настоящим стали восприниматься иначе. Документы, тексты и артефакты получили широкое распространение, и «историописатели» всех толков стали вырабатывать новые методы понимания и интерпретации прошлого. И если Т. Кенд-

---

⁶ Herendeen 2007. P. 207.

⁷ Camden 1607. P. 62–69.

⁸ Mendyk 1986. P. 477.

⁹ Camden 1607. P. 792.

рик оспаривал полную оригинальность Кэмдена¹⁰, то все же его влияние на развитие антикварного движения переоценить трудно.

С. Фасснер говорил о времени, когда творил У. Кэмден, как о периоде исторической революции, которая характеризовалась новым отношением к свидетельствам прошлого и историческим данным. Ученым той эпохи удалось сделать изучение истории и древности частью современного знания, аналогичного в своей опоре на факты естественной истории и науки¹¹. Такими фактами были для них прежде всего исторические источники.

Кэмден и его единомышленники воплотили в своих антикварных штудиях тот эмпиризм, о котором говорил Ф. Бэкон. Под их перьями традиции средневековых хроник ушли в прошлое. Признаком хорошего исторического сочинения стала считаться опора на изучение публичных записей и других документальных источников. Таким образом, Кэмден стал первым современным историком Британии, который отошел от практики своих средневековых предшественников.

Кэмден был далек от восприятия письменных свидетельств событий как непреложной истины, он скрупулезно сравнивал и анализировал их данные, останавливаясь на наиболее достоверных с его точки зрения вариантах. Более того, он сравнивал различные варианты произведений классических авторов, указывая на ошибочность некоторых из них; именно он выступил с резкой критикой Гальфрида Монмутского¹².

Кэмден стремился придерживаться первичных источников, современных описываемым событиям и желательно принадлежавших их свидетелям. Его главным принципом было позволить источниковому материалу говорить за себя – именно это подразумевала его риторика самоуничужения. Различные варианты источников воспринимались Кэмденом скорее как свидетельства, чем как авторитеты, однако выводы – «предположения», или «гипотезы» об истинности того или иного варианта он делал исходя из собственного здравого смысла¹³. При этом его критика источников не были совершенной. Например, благодаря О.Л. Вайнштейну в отечественной историографии известен не замеченный Кэмденом подлог в хронике Ассера об учреждении Оксфордского университета Альфредом Великим¹⁴.

---

¹⁰ Kendrick. 1950. P. 167.

¹¹ Fussner 2010. P. 100.

¹² Camden 1607. P. 6.

¹³ Camden 1607. P. 84.

¹⁴ Вайнштейн 1964. С. 442.

Кэмден достаточно активно ссылался на труды современных ему ученых (что также является чертой, отличающей историописание раннего Нового времени от средневековой традиции), а выбранная тематика позволяла ему широко использовать и труды классиков. Как правило, он не указывал конкретных работ, но если в системе цитирования можно увидеть отголоски средневековой традиции, то сам смысл использования им источников был иным. Акцент на авторитеты сменился критикой источников, которая стала систематической и превратилась в элемент методологии при написании исторических сочинений.

Кроме того, выдвигая гипотезы, Кэмден не претендовал на стопроцентную истинность своих суждений, и в «Британии» рефреном звучат его слова о том, что время все расставит по своим местам, показав, что истинно, а что ложно: «Но время, самый надежный и искренний свидетель, даст самую верную информацию»¹⁵.

Из скептицизма Кэмдена вытекал его метод, который он сам подробно описал, перечислив, что именно сделал для того, чтобы свести к минимуму возможные ошибки. Большой отрывок в предисловии к «Британии», посвященный этому вопросу, опровергает утверждение У. Херендина о том, что Кэмден не был склонен к теоретизированию¹⁶. Многие принципы его методологии отражены в следующем отрывке: «...взяв Усердие в спутники, я отважился на это, и все свои исследования, тщательность, размышления, непрерывные рассуждения, труды и усилия употребил в свободное время для достижения этой цели. Я исследовал Этимологию Британии и первых [ее] обитателей, хотя в таком неясном вопросе я ничего не утверждал с уверенностью. Поскольку я не нахожусь в неведении относительно того, что изначальное происхождение народов темно по причине его глубокой древности, как предметы, видимые в глубине или в сильном отдалении: подобно тому как течения, плесы, места слияния и устья больших рек хорошо известны, хотя их первые истоки и верховья обыкновенно остаются неизвестными. Я кратко пробежался по римскому владычеству в Британии и наводнению ее чужими народами, кем они были и откуда пришли: я проследил древние деления этих Королевств, я вкратце описал их состояние государства (имения) и суды. Я кратко описал границы некоторых графств (и все же не совсем по вехам, чтобы породить вопросы), каковы свойства почвы, каковы наиболее древние места, кто был герцогами, маркизами, графами, виконтами, баронами, и их некоторые наиболее выдаю-

---

¹⁵ Camden 1607. Lectori.

¹⁶ Herendeen 2007. P. 202.

щиеся семейства (ибо кто может подробно остановиться на всех?). То, что я совершил, я совершил для людей здравомыслящих. Однако время, наиболее здравый и искренний свидетель, даст самые верные сведения, когда зависть, которая преследует живых, должна будет умолкнуть. Итак, позвольте мне сказать, что я никоим образом не пренебрег вещами наиболее материальными для поиска и тщательного анализа Истины. Я достиг определенного мастерства в древнейших бриттском и англо-саксонском языках: я по большей части работал по всей Англии; я совещался с наиболее опытными экспертами в каждом графстве, я внимательно прочел писателей нашей собственной страны, старых и новых, всех греческих и латинских авторов, когда-либо упоминавших Британию. Я советовался с учеными мужами из других областей христианского мира: я был весьма усерден с Документами этого Королевства. Я заглядывал в большинство Библиотек, Реестров и хроники Церквей, Городов и Корпораций. Я много вложил в множество старых Свитков и Свидетельств и представил их свидетельства (без всякого исключения), когда того требовал случай, их собственными словами (какими бы варварскими они ни были), чтобы честь истины никоим образом не могла быть взята под сомнение»¹⁷.

Таким образом, с первых строк «Британии» бросается в глаза скромность Кэмдена как исследователя и риторика самоуничужения, которая также может считаться важной составляющей его метода. Кэмден неоднократно повторяет, что он отнюдь не лучший специалист в своей области: «...я могу подвергнуться порицанию как безрассудный и недостаточно скромный, который, будучи в самом младшем классе школы Древности, где я мог бы прекрасно скрываться в безвестности, отважился [выступить] на сцену как писатель в этот ученый век», что он, как и все люди, подвержен ошибкам и забывчивости: «ибо кто настолько владеет подробностями в сокровищнице своей памяти, что в состоянии излагать их по собственному желанию?»¹⁸. Он принес читателю извинения за собственную некомпетентность практически во всех областях знания: математике, риторике, астрономии, праве и медицине, что представляло собой довольно прозрачное приглашение к диалогу представителей этих специальностей¹⁹. Таким образом, Кэмден выступил за междисциплинарное исследование задолго до того, как в исторической науке стали применяться подобные методы.

---

¹⁷ Camden 1607. Lectori.

¹⁸ Camden 1607. Lectori.

¹⁹ Camden 1607. Lectori.

Это самоотрицание как активного агента, творца истории, является важнейшей составляющей его метода. От точки самоуничужения и незнания Кэмден переходил к материальной основе для последующего выдвижения гипотез или утверждений о языке, обычаях, политических структурах, о жизни и состоянии тогдашнего понимания истории.

Благодаря своей работе над «Британией» Кэмден приобрел огромный авторитет не только среди лондонских интеллектуалов, но по всей стране, и даже в кругу европейских ученых. Еще до публикации своего главного произведения он пользовался уважением коллег и таких людей дела, как лорд Берли, Меркатор и У. Лэмбард²⁰. По свидетельству Э. Гибсона, Кэмдена при жизни называли Варроном, Страбоном и Павсанием Британии²¹. Однако через «Британию» Кэмдена красной нитью проходила мысль о готовности к исправлению допущенных им самим ошибок. Таким образом, он признавал: *errare humanum est*, и эта самокритичная позиция была связана со еще одной особенностью его метода – коллективностью работы.

«Британия» представляла собой результат не только собственных изысканий известного антиквара. Она стала поистине национальным проектом, в котором приняли участие многие – от членов Антикварного общества до не связанных с ним ученых и даже просто провинциальных любителей древностей. Впрочем, по мнению того же У. Херендина, все члены Антикварного общества были теми же любителями, только хорошо образованными и жившими в городе²². Материалы, собранные и переданные ими Кэмдену, также вошли в «Британию».

«Британия» с момента возникновения ее проекта в сознании Кэмдена была не просто книгой, а процессом. Изучение истории Англии для Кэмдена не было тем трудом историка-крота, не выходящего из темной библиотеки, каким его изобразил на страницах «Апологии поэзии» Ф. Сидни²³. Для Кэмдена это был живой, деятельный и коллективный процесс, связанный с экспедициями по сбору материала, перепиской с многочисленными корреспондентами по всей Англии, а также с внесением исправлений и дополнений в уже оформленные тексты.

Целью становился не окончательный текст, а сам процесс изучения древней и средневековой истории Британии, находивший отражение в постоянно корректировавшихся текстах «Британии» (достаточно

---

²⁰ Herendeen 2007. P. 200.

²¹ Camden's Britannia 1695. The Preface to the Reader.

²² Herendeen 2007. P. 206.

²³ Сидни 1982. С. 161.

вспомнить ее многочисленные переиздания). Работа Кэмдена над «Британией» и не могла получить логического завершения, поскольку его предметом была не книга, а целая страна, геополитическое целое в множестве исторических контекстов. Подход к ее изучению также должен был быть полиморфным, Кэмден стремился использовать разные пути и методы познания – и он использовал их максимально, оказавшись во многом в авангарде исторической мысли своей эпохи.

«Британия» представляла собой побочный продукт нескольких видов исследовательской активности своего автора – его антикварных, географических, этимологических и исторических исследований, каждая из которых дополняла и наполняла новыми смыслами идею Британии. Кэмден взялся за дело, подобное образованию и исследованию, то есть не имеющее конца по определению. «Я достиг своей цели, если привел в действие других»²⁴, – писал он в предисловии. И он с полным правом мог считать, что эта цель была им достигнута.

Более того, в процессе создания его «Британии» могла участвовать широкая читательская аудитория. Кэмден сам призывал к этому. В предисловии к английскому изданию читаем: «Другие могут быть более искусны и точнее заметить детали мест, хорошо им знакомых. Если они, или кто бы то ни было еще, известят меня, в чем я ошибся, я исправлю это с превеликой благодарностью. Если я невольно опустил то, что должно, я восполню это. Если я неполно изложил какой-нибудь вопрос, то на основании их, лучшей информации, я проясню его, если это происходит от добрых намерений, а не от духа противоречия и ссоры, который не подобает тем, кто хорошо воспитан и привержен истине»²⁵.

Приглашение читателей к диалогу не было фигурой речи. «Британия» пережила шесть исправленных и дополненных переизданий на латинском языке при жизни автора с последующими стереотипными изданиями. Первое издание 1586 г. было мало похоже на последующие; этот вариант лишь помог определить предметные области и выделить, что следовало сделать, ни в коем случае не претендуя на завершенность. В 1586 г. Кэмден, по мнению Херендина, вряд ли мог представить себе перспективы и направления развития своего труда²⁶. С этим трудно не согласиться – настолько значительно было расширено произведение к концу жизни автора, не говоря уже о том резонансе, который «Британия» произвела в образованных кругах английского общества.

---

²⁴ Camden 1607. Lectori.

²⁵ Camden 1607. Lectori.

²⁶ Herendeen 2007. P.183.

Процесс внесения исправлений и дополнений в оригинальный текст не прекратился и после смерти автора, завершившись изданием «Британии» Гибсоном в 1695 г. Таким образом, произведение Кэмдена превратилось из персонального труда в национальное достояние, а «Британия» литературная стала частью Британии как политической, географической и этнокультурной реальности.

Вторую половину XVI – начало XVII в. один из исследователей раннего Нового времени Т. Кендрик назвал «веком Кэмдена», а о самом Кэмдене он говорил как об оригинальном и влиятельном исследователе, который инициировал процесс изменения исторического метода в Англии²⁷, и с этими словами, безусловно, нельзя не согласиться.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вайнштейн О. Л. Западноевропейская средневековая историография. М.–Л.: Наука, 1964. 483 с.
- Сидни Ф. Защита поэзии / Пер. Л.И. Володарской // Сидни Ф. Астрофил и Стелла. Защита поэзии / Сост., ст. Л. И. Володарской. М.: Наука, 1982. С. 143–216.
- Camden W. *Britannia, sive Florentissimorum regnorum Angliae, Scotiae, Hiberniae, et Insularum adiacentium ex intima antiquitate Chorographica descriptio: Nunc postremo recognita, plurimis locis magna accessione adaucta, & Chartis Chorographicis illustrata*. Londini: Impensis Georgii Bishop & Ioannis Norton, 1607. 860 p., Index.
- Camden's *Britannia*, Newly Translated into English : with large additions and improvements. Published by Edmund Gibson. London, 1695.
- Fussner F. S. *The Historical Revolution: English Historical Thought, 1580–1640*. Taylor & Francis e-Library, 2010. 251 p.
- Herendeen W. H. *William Camden. A Life in Context*. Woodbridge: The Boydell Press, 2007. 536 p.
- Kendrick T. D. *British Antiquity*. London : Methuen & Co., 1950. 171 p.
- Mendyk S. *Early British Chorography* // *The Sixteenth Century Journal*. Vol. 17, No. 4 (Winter, 1986). P. 459–481.
- Rockette W. *The Structural Plan of Camden's Britannia* // *Sixteenth Century Journal*, Vol. 26. No. 4. (Winter, 1995). P. 829–841.

REFERENCES

- Vainshtein O. L. *Zapadnoevropeiskaya srednevekovaya istoriografiya*. M.–L.: Nauka, 1964. 483 s.
- Sidni F. *Zashchita poezii* / Per. L.I. Volodarskoi // Sidni F. *Astrofil i Stella. Zashchita poezii* / Sost., st. L. I. Volodarskoi. M.: Nauka, 1982. S. 143–216.
- Camden W. *Britannia, sive Florentissimorum regnorum Angliae, Scotiae, Hiberniae, et Insularum adiacentium ex intima antiquitate Chorographica descriptio: Nunc postremo recognita, plurimis locis magna accessione adaucta, & Chartis Chorographicis illustrata*. Londini: Impensis Georgii Bishop & Ioannis Norton, 1607. 860 p., Index.
- Camden's *Britannia*, Newly Translated into English : with large additions and improvements. Published by Edmund Gibson. London, 1695.

²⁷ Kendrick 1950. P. 167.

- Fussner F. S. The Historical Revolution: English Historical Thought, 1580–1640. Taylor & Francis e-Library, 2010. 251 p.
- Herendeen W. H. William Camden. A Life in Context. Woodbridge: The Boydell Press, 2007. 536 p.
- Kendrick T. D. British Antiquity. London : Methuen & Co., 1950. 171 p.
- Mendyk S. Early British Chorography // The Sixteenth Century Journal. Vol. 17, No. 4 (Winter, 1986). P. 459–481.
- Rockette W. The Structural Plan of Camden's Britannia // Sixteenth Century Journal, Vol. 26. No. 4. (Winter, 1995). P. 829–841.

Терентьева Екатерина Анатольевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и регионоведения Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича; *e.a.terenteva@bk.ru*

Reflections on the method of William Camden

The method of a famous English antiquary William Camden is analyzed here in the context of the development of the British and European historical writing. Camden's empiricism and his methodological doubt combined with self-humiliation rhetoric are the main features of his historical method. The choice of historical sources, as well as his attitude to them were innovative for the epoch. The collectivism of his work can be also considered as a significant feature of his method.

Keywords: Antiquaries, Britain, Camden, England, historical writing.

Ekaterina Terenteva – Ph.D. (History), Assistant Professor, Faculty of Humanities, Department of Regional Studies, The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg State University of Telecommunications; *e.a.terenteva@bk.ru*